

Травостой

В травостой густой и непримятый
Сердце перельется через край.
Света мне сказала: это мятлик
Или овсяница?.. Выбирай.

Вот райграс – и он тебя запомнит,
Полевица – чтоб наверняка,
Колоски, как детские ладони,
Тянутся доверчиво к рукам.

Переключка мелочи трескучей,
В шелковистой дымке горизонт...
Это ты – сама себе попутчик
И сама себе простой резон.

Пусть из-под колес сомненья брызжут,
Лупит по глазам холодный дождь —
Ты весной покрасишь кудри в рыжий
И потуже коски заплетешь.

И Вселенной тусклая громада

Станет очевидна и ясна...
Как ни с чем не связанная радость
Травы называть по именам.

***

А ведь однажды я переживу
Все то, что нынче кажется летальным.
А истины не будет ни в деталях,
Ни в целом. И последнюю главу,

Любовно отшлифованную мной,
Никто не увенчает некрологом.
Я плющу время крышкой эпилога,
А время ускользает стороной.

Да, в юности и голос пел звончей,
И грудь, чего уж там, была повыше,
И целые сады запретных вишен,
И связки неподобранных ключей,

Но после всех трагических декад
Одно лишь неизменно и бесспорно:
Ажурный флюгер в небе над собором
И в Прегель заглядевшийся декабрь.

Менуэт

... А если поцелуй – то только вслух,
В бесстыжее окошечко перчатки.
Конверт заклеен, ларчик опечатан,
Лишь лепесток бумаги на полу.
Ступай же прочь, мой бедный Desdichado,

Здесь никого. Здесь некого искать.
Цветы засохли, выросли младенцы,
А ты все ждешь каких-то индульгенций
И тишину боишься расплескать,

Как эхо не тобой рожденных терций...
И кажется, – сладчайшее из зол –
Истлевший и живой без всякой связи
Эфес не у тебя на перевязи,
Твой золотом не вышитый камзол
И тенью проплывающий в рассказе

Рукав, не знавший кружева манжета,
Рукав, не знавший пальчиков её...
Какое вдохновенное враньё!
Мы больше не танцем менуэтов.
И только пыль порхает. И поёт
Глухое время в трещинах паркета.

Моему отцу

От ювенильных бед до Ювенала
Я как-то незаметно доросла.
Я многого тогда не понимала,
Но начала, конечно же, с «Осла».

На описанья времени жалея,
Места «про это» знать наперечет –
В те дни мы все читали Апулея,
А Цицерона – только на зачёт...

Я отрицала всяческое сходство,
Но, пьяненький и шумный, топ рара
Листал лишь альманах по садоводству,
А Блока для чего-то покупал.

Цитировал про юбку и Клариссу,
С ногой куриной сидя у стола...
Когда бы знать, каких ещё сюрпризов
История до нас не донесла,

Но, грезя о пленительной истоме,
В перчатки левой веря волшебство,
Ахматовой тяжелый чёрный томик
Я забрала однажды у него.

...

С тех пор не лет – десяток жизней прожит.
Я научилась путать словеса,
Фамилии менять змеиной кожей,
Рожать детей и вовсе не писать,

И вот – сама сродни «превед-медведи»,
К своим пенатам, ларам, образам.
Я к папе на ноябрьские еду –
Обнять, вздохнуть и внучку показать.

Он пьян и нынче, злой, смешной и слабый.
Но пару дней я как-нибудь стерплю.
Он скажет: «Катюха! Умная ты баба...».
А я услышу: «Я тебя люблю».

Ключи от Царства

Господи, помнишь: мы же с Тобой на ты.
Помнишь, я забегала на пару слов?..
Резались бутерброды, томился плов.
Ты говорил: «Катюха, полей цветы».

Я выливали в фикусы чай спитой:
Это полезно, папа меня учил.
Ты говорил: «Катюха, не будь святой».
Ты говорил: «Да нафиг тебе ключи?»

Я буду дома, стукнишь, открою сам».
Я улыбалась, зная, что ты не врешь.
Милые немудрящие чудеса:
Песенки, бусинки, мальчики, джинсы-клёш...

Мне тридцать шесть, и ты поменял пароль.
Доступ под запись к сервису госуслуг.
Пломба с печатью. Фикус засох в углу.
Я для проформы трогаю дверь. Открой?..

Пальцы в пыли забавный рисуют след.
Трубка икнет: «Спасибо за Ваш звонок.
Вы позвонили в офис... Нажмите ноль,
Если вы выбираете: рыба... хлеб...

Камни...». И станет горько до немоты.
В лёгкие – воздуха. Или в чертогах – грех?
– Господи!.. Вы-хо-ди!.. Я в твоём дворе!..
Господи, вспомни. Мы же с Тобой – на ты...

***

Славка ушёл под утро, в конце июня.
Сердце, а может, – допил-таки своё.
Тётки прошли подъезды. Кто сотню сунет,
Кто только крикнет, да по второй нальёт.

Место сухое, памятник, ограда,
Тряский автобус, горькая кутерьма.
Девять и сорок справили, всё как надо.
Съели кутью, а дальше – давай сама.

Славкина мать – старуха в дурацкой шапке –
Тихо крадется мимо чужих окон.
Вовсе б во двор не лезла, да надо шавке...
Джувляка, ты тут уж, быстренько, под балкон.

Третью неделю топит соседей снизу,
Стены в грибок с четвёртого по второй.
ЖЭК им грозит расправой за ложный вызов:
Мастер придет, а двери поди открой.
Ходят чуть свет, долбятся едва не ночью,

Что-то кричат, да бабка сидит как мышь.
Нет её дома. Или открыть не хочет.
Ясно? Не хочет! Что ж ты опять звонишь...

Славкина мать на кухне в углу зажёётся,
Уши зажмёт, закроет глаза платком.
Чай, позвонят, да бросят... Но дверь трясётся,
Лупят уже ногами, не кулаком.

Мысли безвольно тонут в сердитом шуме.
Мат-перемат в подъезде и бубубу.
Как ты им растолкуешь, что Славка – умер.
Некому больше жить и чинить трубу.

***

Когда мне грустно, я пеку пирог.
Я верю в силу яблочного духа.
Мне недодали голоса и слуха,
Я не умею шить и вить венок,

Не слушаю последних новостей
И никогда не тру полы досуха,
Я вырасту в капризную старуху
Из матери нечесаных детей, -

Но если мне хоть что-то удалось,
Легко, самодостаточно, не вместо,
То это сладость кондитерского теста,
Которое отлично поднялось

Или хрустит и дразнит на изломе,
Изюмным улыбается глазком...
И если ты со мной чуть-чуть знаком,
Ты знаешь, чем накормят в этом доме.

Чай закипает. Пробуйте пирог,
А смысл я оставлю между строк.

Дурак

*Ты, и верно, дурак...
Илья Кормильцев*

Хрестоматии все расскажут на раз, два, три.
Архетипы согласно лягут в систему мира.
Это ж, верно, дурак сидит у меня внутри,
Балалайку едва умея не путать с лирой.

Про него не напишет справочник «Кто есть кто».
Он не любит смотреть футбол и не копит мили.
При царизме он, может, стал бы твоим шутом.
Но царей уже лет за сотню как отменили.

С ним легко мне, как с пресловутой «своей доской»,
Неказистой, но к каждой мелочи сопричастной.
Задний ум, безусловно, лучше, чем никакой,
Только он для меня все равно выбирает счастье.

И когда я вдруг подставляю тебе плечо,
Ты не бойся, что вместе в грязь и через ухабы.
Я же - младший сын, Иванушка-Дурачок,
Что по глупости неизбежной родился бабой.